

БОГАТЫРЬ ЖИВОПИСИ

ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ кустодиевская память: девятилетний побывал на передвижной выставке—даже в конце жизни мог сказать, где какая картина висела...

Полотна его называли картинами-воспоминаниями.

Мысль только-только рождалась, а верная память, раб и товарищ, уже выстраивала зрительный ряд цветных, черно-белых видений. Возьмет и явит в первозданном виде фонарь на перекрестке знакомого города, успевай — зарисовывай.

«Что бы я стал теперь делать,— говорил художник,— когда не хожу?.. А вот сейчас вспоминаю и рисую!.. Иногда от виденного голова пухнет».

Рисовал свою «бесконечную» провинцию. Хотел создать типично русскую картину, «как есть картина голландская, французская»...

Кустодиев очень национальный художник, сотканный из говора, быта, нравов, сказок, системы отношений и обычаев своего народа. Любил и знал «чудесный русский язык». В записных книжках — частушки, гадания, песни—«...ценный клад тем, близких и понятных простому деревенскому человеку...» Простых людей уважал, сам смахивал на крестьянина, внешне, сметкой, областным выговором.

В его полотнах яркость и лаконизм старой русской иконы и лубка.

Поясняя свои декорации к «Блохе», писал: «Все происходит как бы в балагане, изображенном на лубочной народной картинке»...

«Ярмарки» и особенно «Масленица» — любованье народной силой, молодечеством, весельем. Какой ликующий снег в «Масленицах» — драгоценные камни набрось горстями — ничто с ним в сравнении. Голубой, голубенький, дымчатый, розовый, свежехрустящий, переливающийся, ждущий задо-

Размышления о творчестве Бориса Михайловича Кустодиева

ра, песни, поцелуя, шутки... Не холоден снег, не остужающ — никто не зябнет. Белопенный снег — для лихости, для троек, для могучих коней... Идет-гулет народное гулянье. Бегут мальчишки за санями, играют парни на гармошке, снуют разносчики, клоуны дергаются — веселятся под виноградными гроздьями шаров.

В других картинах сдержанная сила покоя. «Посмотрите,— обращал внимание Кустодиев,— как много говорит слабая улыбка Джоконды...» Так спокойно полуулыбаются, полуприслушиваются многие персонажи его картин.

Прекрасные молодые купчихи с округлыми румяными лицами, собольими бровями, безмятежными голубыми глазами, могучими плечами и слобными руками — образ величия и покоя, наслаждения яркостью жизни — шелками да бархатами; посуды — золоченой и серебряной, деревянной с хохломской росписью; съестным аппетитно-желанным...

И все же—балаган! Ни на минуту не оставляет нас ощущение ироничной вышучивающей улыбки художника.

В трактире на Сухаревке Кустодиев зарисовывал извозчиков, пьющих чай: «Велю от них чем-то новгородским — иконой, фреской. Все на новгородский лад — красный фон, лица красные...»

«Московский трактир» написан в 1916 году. Пылает в картине «новгородский» красный цвет, броско выделяя синие армяки. Пьют чай извозчики. Иконописные лица наполнены ликованием. Истоиво совершается обряд — все ему подчинено в трактире. Спешат с чайниками удалцы-половые, разметались кисти витых поясов. Распева-

ют в клетках птицы. Выжидательно глядят на длиннобородых лихачей хозяин. Грозятся шагнуть с полок буфета бокастые, разросшиеся чайники, рядом — черные, в цветах, жостовские подносы... Пьют чай извозчики! Вкушают... Картина радостная и усмешливая — от несоизмеримости торжественной церемонии происходящего. Картина, чарующая изобилием чистого сочного цвета, тонкостью наблюдения — и в то же время просто быт, просто жизнь.

Хотя менее всего полотна Кустодиева — интенсивные вспышки света — этнографичны. Память служила ему, а не властвовала. Он сам был фокусником, разматывающим клубок прошлого; режиссером, размышляющим над кадрами памяти — мечтающим, воображающим, лихорадочно ищущим единственное. Находил, писал картину, она оживала...

«...Все мои картинки сплошная иллюзия...» утверждал мастер. — Мои картины я никогда не пишу с натуры, это все плод моего воображения, фантазия... Они производят впечатление действительной жизни, которую, однако, я сам никогда не видел и которая никогда не существовала».

Его картины называли реальными снами.

Всегда возражал проповедующим «законы живописи» в ущерб вдохновению творчества и фантазии. Псевдо-теоретиков называл Сальери. Мечтал о живой картине. Потому театр — почти осуществление желаний. Сколок бурно выплескивающейся жизни, в которую органично «вплавляются» картины-декорации, картины-актеры. Успех его декораций был огромен. Когда ставили «Блоху» — аплодисменты перерастали в овацию...

Ненаписанные картины преследуют его всю жизнь. У лишенного движения мастера столько бурлящего, kloкочущего, готового принять уже отлитую воображением форму, а сделать этого он не успевает. Не хватает времени и сил. Трагическое несовмещение замысла и воплощения. Особенно для него, человека внутренне напряженного, увлекающегося страстно, откликающегося бурно, нервно; тонко чувствующего свою связь со многими судьбами других людей. «Мы все... пронизаны невидимыми стрелами». Спасало, что он, как замечали, был очень естественным, обладал чувством юмора. В расплатом на кресле-каталке художнике Шалапина поражают веселые глаза...

«...собственная воля прежде всего!..»

Он падал и отступал, почти сдавался и погибал, но не выпускал этого знамени из рук.

С той поры жизнь его стала подвигом, но он не принял ни мученического венца, ни славы героя: остался тем, кем ему хотелось быть более всего, — художником. Случались неудачи, срывы, и все же, шаг за шагом, он шел вперед, сохраняя талант и мастерство, расширяя горизонты своих интересов.

Прикованный к креслу, художник тем не менее прекрасно чувствовал веселую динамику жизни. Любил шутить, но никогда зло. Жила в нем «тихая незлобивость». Никогда не хитрил. Почти не сердился, хотя, случилось, мог наругать в сердцах, за что потом казнил себя долго и тяжело. Гордецов, кичащихся, надменных, чиновных не жаловал.

Болезнь не разлучила его с людьми — любил принимать у печки-буржуйки. Случались настоящие «дни лите-

раторов», приходили на заседания члены общества «Мир искусства». К Кустодиеву тянулись, зная в нем одержимого музыкально-театральной «манией», эрудита, книжника. Читал много и не только художественную литературу, историю, искусствоведение, ибо в разговоре легко касался проблем астрономии, четвертого измерения и пангеометрии Лобачевского...

Три Революции вошли в его жизнь.

Когда пришел 1905 год, художник открывает старые альбомы. Разве судьба не свела его ранее с «вершителями» судеб российской империи? Вместе с Репиным писал в свое время картину «Заседание Государственного Совета». С очевидным наслаждением теперь он рисует карикатуры на душителей Революции, показывая мостов во всей их чудовищности: нищету души, изливавшуюся злобой.

Две краски: бурая — цвет крови и огня, зеленая — цвет затихающих домов, властвуют во «Вступлении». Рисунок посвящен погибающей Пресне. Скелет — призрак гибели, поднялся над городом, но он надвигается и на палачей.

Художник всматривается в лицо восстающего народа. Стачки, маевки, митинги путилевцев. «Манифестация» — колорит монотонен, в темно-коричневом редкие блеклые просветы, лишь два зовущих пятна знамен. Но как убеждающе передана некрикливая сила человеческого единения...

Восторженно встречает Кустодиев февральскую революцию и Великую Октябрьскую социалистическую революцию. «Очень много работаю». «Работаю, работаю и работаю...» В который раз художник совершает невозможное.

Рисует, наблюдая в бинокль из окна революционную улицу.

Рождаются картины «27 февраля 1917 года», «Взятие Кремля», «Большевик», «Ночной праздник на Неве»...

«Ведь это эпоха, а мы все ее участники. Нам же, художникам, нужно работать и работать — нужно стремиться изобразить эту эпоху в картинах. Ведь посмотрите, что на улицах делается! Какой подъем! Какой праздник!»

Кустодиев активно участвует в строительстве новой жизни: готовит эскизы панно для оформления праздничной площади, создает политические плакаты, иллюстрирует детские книги о В. И. Ленине, вступает в Ассоциацию художников революционной России, пишет портреты...

Кустодиев-портретист стремится все «досказать» о модели, показать ее настроение, психологические особенности, мир связей, интересы и таланты.

Кустодиев — человек праздника жизни, увлекающийся, темпераментный. Прекрасное — будь то скульптуры Микеланджело во Флоренции или деревянные игрушки кустаря-резчика в Сергиевой Лавре — трогает и глубоко волнует его.

Пятнадцатилетний паренек, который учится живописи и потому, что «в будущем это доставит кусок хлеба», становится, по выражению Репина, богатырем живописи; рисовальщиком, чье имя ставят рядом с Энгром, Серовым, Клуэ...

...Мы отмечаем 100-летие со дня рождения В. М. Кустодиева.

«...в его любви к искусству, бывшему подлинным делом его жизни,— писал друг, биограф, художник Вс. Иванов, — не было ни малейшего атома честолюбия,— это была честная любовь!»

В. ЛИПАТОВ.

Комс. правда, 1978, 12 марта